

Интеграция
академической
и университетской
психологии

Ценностные основания психологической науки и психология ценностей

Под редакцией
В.В. Знакова
Г.В. Залевского

Коллектив авторов
Ценностные основания
психологической науки
и психология ценностей
Серия «Интеграция академической
и университетской психологии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67589687

Ценностные основания психологической науки и психология ценностей:

ISBN 978-5-9270-0133-0

Аннотация

Коллективный труд посвящен методологическому, теоретическому и эмпирическому анализу ценностей, ценностных ориентации личности, а также ценностных оснований психологической науки.

В работе осуществлен методологический анализ тенденций развития социогуманитарного познания, отчетливо проявляющихся в психологии. Развито положение о неизбежности включения внеаучных и общечеловеческих ценностей в основания психологической науки. Выявлены шесть уровней ценностных оснований психологии, играющих существенную роль в построении системы психологического

знания. Обсуждены концептуальные вопросы формирования и развития психологического познания, ценностно-смысловых оснований творческого способа существования человека в профессии, сущности и механизмов ценности человеческого Я, ценностно-смысловых контекстов самореализации человека, роли ценностей и ценностных ориентации в субъектно-деятельностном подходе. Авторы на теоретическом и эмпирическом уровне исследуют ценностную обусловленность типологических особенностей профессионального мышления психологов, ценностные ориентации руководителей с разными личностными характеристиками, различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей жителей Сибири, взаимосвязи ценностей как составляющих ментальности россиян с установками на патернализм по отношению к политической власти.

Книга адресована психологам, социологам, философам, культурологам и ученым других специальностей.

Содержание

Предисловие	5
Ценностные основания психологической науки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ценностные основания психологической науки и психология ценностей

Предисловие

Идея книги зародилась в результате длительного научно-го сотрудничества между психологами Института психологии РАН и факультета психологии Томского государственного университета. Наше сотрудничество разносторонне и многопланово: оно включает написание статей для публикации в «Психологическом журнале» и «Сибирском психологическом журнале», публикацию трудов в издательстве «Институт психологии РАН», участие в программных комитетах, выступления с докладами на «Сибирских психологических форумах» и юбилейных конференциях института, дискуссии о когнитивных и экзистенциальных подходах к научному анализу ключевых психологических проблем (в частности, объяснения и понимания), обсуждение результатов исследований и обмен стажерами, участие в заседаниях Президиумов Российского психологического общества и

Совета по психологии УМО и многое, многое другое. И когда мы задумались над тем, какие психологические проблемы нас объединяют, то мнение было единодушным: это психология ценностей и тех ценностных оснований психологической науки, которые способствуют рассмотрению ее как важного компонента не только современного человекознания, но и общества и культуры в целом.

Ответ на вопрос: «Почему же все-таки именно ценности?» – состоит не только в том, что в последние годы эта проблема оказалась на периферии интересов психологов: индикатором этого является почти полное отсутствие индивидуальных и коллективных монографий, посвященных ее психологическому анализу. Более существенная причина состоит в радикальном изменении методологии как естественного, так и социогуманитарного познания, в соответствии с которой субъектный взгляд на познаваемый мир и ценностные пристрастия ученого оказываются неизбежной составляющей объективного научного знания. Постнеклассическое (В.С. Степин) понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. В психологии следствием этого стало формирование таких областей психологической науки, как психология субъекта (Брушлинский, 2003) и развивающейся на ее основе психологии человеческого бытия. Почему нам представляется важным акцентировать внимание читателей на том, что без

обращения к феномену человеческой субъектности сегодня невозможны психологические исследования ценностей, ценностных установок, ориентаций и т.д.? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос связан с научной рефлексией, по крайней мере, двух теоретических контекстов.

Во-первых, формирование осознаваемых человеком ценностей происходит под влиянием не только внешних факторов, например, социальной среды, но и внутренних условий развития психики. Фокус на анализе внутреннего мира человека – характерная особенность того варианта субъектно-деятельностного подхода, основателем которого был С.Л. Рубинштейн и который творчески развивал его ученик А. В. Брушлинский. С этой позиции ценности как предмет психологического исследования являются тем, что определяет субъективную значимость для человека принципов, норм, идей, природы, объектов окружающей среды. Например, для многих современных ученых компьютер является не просто инструментом, средством научной работы: в их жизни его субъективная значимость определяется не только реальной ценой и осознанием полезности. Ценность компьютера (иногда превращающегося в своеобразного «члена семьи») как средства выражения своих мыслей, общения с коллегами и т.п.; это неотъемлемая часть психики, внутреннего мира субъекта. Однако и ценности общественного сознания (христианские десять заповедей или «кодекс строителя коммунизма»), и так называемые предметные ценности (море, го-

ры, солнечный день, автомобиль и др.), никогда не являются простым отражением того, что объективно существует. Приобретение предметами и явлениями статуса ценностей требует от субъекта внутренней работы по их усвоению, субъективному принятию или отвержению. Если использовать терминологию отечественной психологии XX в., то следует сказать, что ценности возникают в результате не только отражения субъектом мира, но и такой адаптивной деятельности, которая включает его преобразование. Даже тогда, когда обсуждаются предметные ценности, то только в соответствии с канонами классической науки можно утверждать, что любой человек открывает их для себя так же, как геолог отыскивает новый минерал в горной породе.

Осознание и распространение в конце прошлого столетия неклассического и постнеклассического типов рациональных научных рассуждений сделало очевидным для психологов, особенно придерживающихся принципов субъектно-деятельностного подхода, тот факт, что ценности возникают в результате преобразовательной деятельности. Вместе с тем изменились и общие представления о сущности познания, повлекшие за собой пересмотр взглядов на психологические механизмы формирования ценностей. В классической науке, ориентированной на идеалы познания, основанные на устранение из его результатов любых проявлений субъективности ученых, объективным знанием считалось обнаружение ранее сокрытого (как в экспериментах Ж. Пиаже ребе-

нок находил конфету в закрытой коробочке). Истина – это суждение о том, что действительно существует и что можно проверить опытным путем. Общим итогом классической науки стал вывод, что если ученые еще что-то не открыли, не узнали, то главная причина этого заключается в недостаточном развитии научного арсенала: технических средств, знаний, интеллекта, наконец.

На неклассическом этапе развития науки перед учеными встал вопрос: как должен измениться познающий субъект, какие действия выполнить, чтобы стать способным познать истину? И исторически более ранние духовные практики, направленные на очищение взора, «затуманенного страстями», и психология деятельности неизбежно столкнулись с необходимостью анализа ценностных предпочтений и личностных смыслов познающего субъекта. И тогда, уже на постнеклассическом этапе развития научного познания, ученым стало ясно, что от «чистого» познания необходимо переходить к исследованию *существования* субъекта. Субъект познает мир избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, оценкой возможных потерь и приобретений. Следовательно, познавая, действуя, человек, преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир субъекта, и его цена. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих экзистенциальную сущность субъекта.

екта, приобретения им новых субъектных качеств. Ценности являются не столько когнитивными компонентами психики субъекта, сколько экзистенциальными, связанными с ментальным, а шире – духовным опытом.

Итак, первый общенаучный контекст исследований психологии ценностей характеризуется тем, что познавательные действия (умственные и практические) приводят к изменению самого познающего субъекта, формированию его ценностной системы, имеющей не столько познавательно-гносологический, сколько экзистенциально-онтологический характер. Познание и возникновение ценностей невозможны без изменения субъекта: преобразование себя открывает ему другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности. В свою очередь, ценности оказывают на человека обратное воздействие: они не только озаряют его внутренний мир новым светом, но и придают завершенность самому субъекту (понятно, что не окончательную, а временную, предполагающую дальнейшее развитие).

Во-вторых, на постнеклассическом этапе научного познания психологам стало ясно, что пристальное внимание к внутреннему миру субъекта не имеет ничего общего с таким субъективизмом, который противопоставляется познанию внешнего социального мира. Проблема формулируется иначе: психологический анализ ценностей субъекта в значительной мере является ключом к познанию ценностей общественного сознания. Познавая себя, субъект познает мир, а

любое понимание основано на самопонимании. Эти утверждения базируются на том очевидном факте, что человек является главной, конституирующей частью человеческого мира. В каждом из нас есть не только индивидуальное, но и универсальное, общечеловеческое. В экзистенциальной персоналистической философии Н.А. Бердяева эта мысль представлена в суждении о том, что космос, человечество, общество находятся в личности, а не наоборот: человек есть микрокосм, универсум. Соответственно, одним из важнейших положений психологии субъекта А.В. Брушлинского является утверждение, что в самом полном и широком смысле слова субъект – это человечество в целом. В этот контекст хорошо вписываются исследования психологии ценностей – того, что имеет отношение к личностным смыслам, ценностно-смысловым позициям субъекта и т.п. Именно психологические исследования оказываются на переднем крае социогуманитарного познания: они дают возможность этикам, социологам, историкам и представителям других специальностей полнее и глубже понять специфику ценностных представлений и ориентаций людей, живших в разные исторические эпохи и живущих сегодня в различных регионах и странах. С этой позиции можно утверждать, что рефлексия ценностных оснований психологической науки, базовая в этой области исследований, важна не только для психологов, но и для ученых других специальностей (и не только для ученых).

Именно из этих научных предпосылок исходили авторы предлагаемой вниманию читателя книги, в самом названии которой выражена ее структура. Первая часть посвящена ценностным основаниям психологической науки, она представлена не только одноименной статьей А.В. Юревича, но и обобщающими работами В.Е. Ключко, Е.А. Сергиенко, В.В. Знакова, В.И. Кабрина. Во второй части описаны более конкретные психологические исследования.

В начале книги А.Б. Юревич осуществляет историко-науковедческий анализ психологической науки и пытается выявить противоречия в различных интерпретациях ее ценностных оснований. С одной стороны, наука всегда стремилась к формированию внутринаучных ценностей, способных нейтрализовать за счет объективности научного познания влияние вненаучных ценностей и вообще «природы человека». С другой стороны, сама «природа человека» вынуждает ученого, по образному выражению Р. Бэкона, «смотреть на мир глазами, затуманенными всеми человеческими страстями». Только в последнее время ученые стали признавать неизбежность включения в основание объективного научного знания и вненаучных, общечеловеческих ценностей. Автор отмечает, что это справедливо в отношении и психологической науки. Он выделяет шесть уровней ее ценностных оснований:

первый – базальный, образованный универсальными ценностями научного познания; второй – объединяющий пси-

хологию с социогуманитарными науками, например, стремление не просто познать человека и общество, но и сделать их лучше. Третий уровень отражает типичную для классической рациональности направленность психологии на утверждение своего сходства с точными науками; четвертый конституируется внутренними ценностями существующих в психологии научных направлений и школ. Пятый уровень представлен ценностями, воплощенными в изучении конкретных психологических проблем; шестой выявляет личностные ценности исследователей, влияющие на конкретные интерпретации результатов исследований. Юревич завершает свою статью высказыванием о том, что названные уровни ценностных оснований играют основополагающую роль в любой системе научного познания. Соответственно, профессиональная деятельность, в том числе и научная, не цементируемая соответствующими ценностями, возможна лишь в абстракции, подобной абстракции ценностно-нейтральной науки.

Цель статьи В.Е. Ключко – под новым углом зрения, сквозь призму новой исследовательской парадигмы попытаться проанализировать проблему смысла. Под новой парадигмой он имеет в виду разрабатываемую им методологию транспективного анализа, реализуемого в контексте постнеклассических представлений о научной рациональности. Как известно, на постнеклассическом этапе развития науки основной акцент в социогуманитарных исследованиях дела-

ется на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. При этом считается, что смысловые образования, выражают ценностное отношение субъекта к миру. Проблема смысла, по мнению автора, практически отсутствовала в классической психологии. Она была сформулирована в неклассической психологии, однако все-таки оказалась недостаточно разработанной. Сегодня она по-прежнему не решена – теперь уже в рамках постнеклассической психологии. Главную задачу статьи автор видит, прежде всего, в выявлении и развитии представлений о категориях «ценность» и «смысл». По его мнению, цели и смыслы отличаются друг от друга тем, что за первыми стоят напряженные потребности, а за вторыми – столь же напряженные возможности. Значительную часть статьи Ключко посвящает транспективному анализу и пытается дать ответ на поставленный им вопрос:

«В чем его суть?» Он раскрывает суть транспективного анализа через его основные принципы: элевационный, динамический, темпоральный, тенденциональный, системный. Объединяет эти внешне столь разнородные принципы идея становления – закономерного (а потому прогрессивного) усложнения системной организации, свойственной, прежде всего, открытым системам. В контексте системного видения человека и его мира смыслы, ценности, а также значения – это еще три субъективные координаты мира человека (помимо четырех известных:

трех пространственных и временного).

В статье Е.А.Сергиенко формулируется другая, но не менее важная позиция, иной взгляд на ценностные основания психологической науки: необходимость учета ценностных предпочтений, ориентаций субъекта, в частности, психолога, проводящего научное исследование. Более широкий контекст проблемы включает обсуждение ценности самой категории «субъект», современных возможностей ее применения и некоторых дискуссионных вопросов, возникающих при ее разработке. Автор отмечает в последние годы нарастание интереса к понятию «субъект», к феномену человеческой субъектности и полагает, что ценность категории субъекта для психологии, во-первых, определяется тем, что это понятие дает возможность ученым обратиться к целостному изучению человека. Во-вторых, категория субъекта позволяет объединить разрозненные аспекты изучения индивидуальности (темперамента, характера, личности) в единую интегральную индивидуальность человека. В-третьих, обращение к исследованию субъекта открывает возможности изучения поведения, деятельности, сознания как опосредствованных внутренним миром человека, его субъективными выборами и предпочтениями, активным построением модели этого мира. Фактически перечисленные выше разные планы исследования представляют собой различные ценностные основания субъектно-деятельностного подхода к анализу психики человека. Центральное место, занимаемое фено-

меном человеческой субъектности в современной психологии, отражает тернистый путь от несубъектной психологии к субъектной. Подчеркивая выдающуюся роль А. В. Брушлинского в формировании и становлении психологии субъекта, автор значительное место уделяет проблеме соотношения категорий «субъект» и «личность». В этой связи анализируются труды Б.Г. Ананьева, В.А. Петровского и других психологов, предлагается гипотетический вариант решения этой проблемы. Затем Сергиенко на основе анализа работ целого ряда отечественных авторов выделяет «функции субъекта», важнейшими среди которых являются когнитивная, регулятивная и системообразующая функции. Завершается статья обсуждением вопроса о том, как человек становится субъектом: вопросом, ответы на который будут актуальными еще многие годы...

В.В. Знаков анализирует ценности как проблему психологии человеческого бытия, возникшей на основе психологии субъекта А. В. Брушлинского. В начале статьи он подчеркивает, что изучение генезиса и природы общечеловеческих и индивидуальных ценностей является фундаментальной междисциплинарной проблемой гуманитарного познания. Проблема ценностей занимает особое место в психологии человеческого бытия, поскольку одним из главных характерных признаков человеческого бытия является его ценностность – избирательная ориентация субъекта на одни ценности и отвержение других. Предметом исследова-

ния в психологии человеческого бытия являются смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. В фокусе конкретных эмпирических исследований оказывается психологический анализ ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В заключительной части статьи автор обосновывает его важность на примере двух проблем психологии человеческого бытия – гуманизма и духовных ценностей.

В.И. Кабрин изучает транскоммунитивные основания анализа ценностного мира человека. Своей главной задачей он считает поиск релевантного подхода к изучению ценностного измерения жизненного мира человека. Имеется в виду такой научный подход, который позволил бы преодолеть хроническую тенденцию слишком утилитарного и упрощенного взгляда на феноменологию человеческих ценностей. Статья состоит из трех частей. В начале автор пытается показать коммуникативную природу и транскоммунитивную сущность ценностей как особых психологических реалий. Во второй части он решает проблему поиска релевантного подхода к исследованию ценностного мира человека как трансцендирующего в масштабе дух-душа-телесных соответствий транскоммунитивного процесса и мотивирует выход психолога-теоретика в постметодологическое пространство анализа. Постметодология характеризуется как новый тип знания, которое обозначено в статье как трансперсональное, ноэтическое, трансцендентальное.

Такой тип знания ориентирован на преодоление традиционных форм редукционизма. В заключительной части раскрывается сущность разработанного Кабриным метода моделирования коммуникативных миров (ММКМ) и с точки зрения холистического принципа описывается иерархия уровней в ценностном мире человека. Первый уровень – ноэтический (термин, используемый В. Франклом для духовного измерения человеческого бытия, не имеющего религиозного оттенка: внутренняя духовная сила, стремление к смыслу). Второй – уровень транскоммунитивных переживаний (инсайт, возможности экспрессии, жажда впечатлений, возможности катарсиса). Третий – уровень «простых» коммуникативных ценностей (дружба-любовь, доверие, понимание, встреча).

В статье Э.В. Галажинского проанализирован ценностно-смысловой контекст формирования различных уровней самореализации человека. Теоретическими основаниями исследований для автора послужили принципы системной детерминации, теория ригидности и фиксированных форм поведения Г.В. Залевского, методология теории психологических систем В.Е. Ключко. Автор четко различает то, что инициирует самореализацию, побуждает к ней, и то, что придает ей избирательность и направленность. В статье самореализация предстает как специфическая форма психической активности, в которой проявляется самоорганизация человека как открытой психологической системы. Галажин-

ский эмпирически доказывает положение о том, что терминальные ценности обуславливают направленность самореализации: они непосредственно сказываются как на выборе жизненных сфер, наиболее адекватных для самореализации, так и на представлениях человека о своих возможностях. Кроме того, он обосновывает необходимость различения *степени* (полноты) и *уровня* (качества) самореализации личности. Очевидно, что проблема уровней самореализации имеет решение только в контексте анализа специфики жизненных миров конкретных людей. Авторская позиция заключается в том, что сам жизненный мир человека понимается как открытое пространство жизни, а степень этой открытости характеризуется понятием «уровень самореализации». В статье приводятся данные масштабных исследований, связанных с верификацией гипотезы о двух уровнях самореализации личности.

Н.Е. Харламенкова начинает статью о сущности и психологических механизмах ценности человеческого Я с обстоятельного теоретического обзора. Она полагает, что источником анализа проблемы ценностей в психологии является понимание того, что ее специфически психологическое толкование неразрывно связано с философской и социологической интерпретацией. С философской точки зрения, категория «ценность» означает либо значимость какого-либо объекта для субъекта (так называемые предметные ценности), либо нормативную, предписательно-оценочную сторо-

ну явлений общественного сознания (субъективные ценности или ценности сознания). Социологические исследования ценностей обычно направлены на выявление общественной значимости предметов и тех социальных установок, которые возникают в конкретных жизненных ситуациях вследствие удовлетворения определенных потребностей. В психологии исследовательские акценты иные: ценностью признается то, что определяет субъективную значимость для человека каких-либо предметов, отношений, принципов, идей. Ценность в сознании человека существует в представлениях о себе, в самоощущении и самоотношении, т. е. выражается в когнитивных, эмоциональных и оценочных характеристиках. В этой связи очевидно, что выражение отношения к значимым объектам, окружающим людям и т.п. в значительной степени зависит от психологической специфики самоопределения и самоутверждения субъекта. Эта специфика играет роль своеобразных внутренних условий развития психики, в частности, особенности самоопределения и самоутверждения являются ключевыми механизмами формирования субъективных ценностей в процессе обретения человеком индивидуального опыта.

Автор предлагает собственную оригинальную трактовку самоутверждения личности: оно понимается как стремление к получению подтверждения собственной ценности посредством установления эквивалентных отношений между оценкой Я и объектами, обладающими ценностью. Предме-

том самоутверждения является ценность Я, а средством – объект, который обладает для человека определенной ценностью. В зависимости от того, какие объекты становятся средством утверждения Я, выделяются внешнее и внутреннее самоутверждение. Внешнее самоутверждение позволяет осуществлять социальную адаптацию личности, а внутреннее – ее индивидуальную, самобытную реализацию и выражение. На основе шести выбранных критериев Харламенкова провела сравнение предметных, субъективных ценностей и ценности Я. Она выделила три типа ценности Я: целостный, дифференцированный и интегрированный.

Д.Н. Завалишина анализирует ценностно-смысловые основания творческого способа существования человека в профессии. Основная цель статьи заключается в доказательстве того, что высокий профессионализм в любом виде труда обычно связан с творческим отношением к нему человека и обусловлен предельной включенностью субъекта в соответствующую деятельность. Сама же профессиональная деятельность оценивается субъектом труда как важнейшая жизненная ценность. Автор отмечает, что само по себе отношение субъекта к определенному виду труда как важнейшей жизненной ценности является необходимым, но недостаточным условием для проявления в нем творчества. Исследования феномена творчества (высокого профессионализма, мастерства) в массовых видах трудовой деятельности свидетельствуют о том, что его ценностно-смысловые основания

являются сложным многомерным образованием, реализующим все ведущие отношения человека к миру (действенные, познавательные, этические, эстетические).

В статье описываются три типа профессионалов, схожих по параметру ценностно-смысловой «вовлеченности» в свой труд, но значительно различающихся по пониманию его содержания, своих функций и перспективных целей, а также по способу его соотнесения с ценностными ориентациями и общими смысложизненными позициями. Как считает Завалишина, первый тип может быть представлен способом «поверхностной идентификации». Этот тип формируется прежде всего в «престижных», модных в определенный период профессиях (например, эстрадных певцов). Субъект в этом случае мало знает и не стремится узнать, что составляет сущность этой профессии, какие требования она предъявляет к человеку, какая работа над собой ему предстоит. Второй тип профессионалов демонстрирует высокую вовлеченность в свой труд, но при этом такие специалисты фокусируют свою жизнь в «точку» профессии, фактически выпадая из естественного многообразия отношений человека с миром. Этот тип широко представлен, например, в разных занятиях человека, связанных с компьютером, особенно в работе суперпрограммистов. Обладая значительными познаниями в узкой сфере компьютерного мира, профессионалы этого типа могут быть высокоэффективными, но для них орудие труда, компьютер, приобретает самодовлеющую цен-

ность. Компьютер выступает как соавтор и средство создания особого мира. Третий тип профессионалов представлен специалистами, не только достигшими высшего мастерства и демонстрирующими смысловое отношение к своему труду, но и формирующими иное качество его психического обеспечения. Это новое качество обуславливается разносторонним преодолением человеком своих профессионально-специализированных «пределов», что и позволяет говорить о творческом способе его существования в труде.

В статье О.М. Краснорядцевой и Т.А. Ваулиной исследуется ценностная обусловленность типологических особенностей профессионального мышления психологов. Авторами статьи обосновывается необходимость исследования специфики профессионально-психологического мышления. С помощью историко-системного анализа выделяются особенности трех исторически складывающихся типов психологического мышления (классического, неклассического и постнеклассического). Названные типы предлагаются в качестве критериальной базы для изучения процесса становления профессионально-психологического мышления специалистов, находящихся на разных этапах профессионализации. Представлены результаты экспериментального исследования типологических особенностей профессионально-психологического мышления. Показано, что типы мышления проявляются в реализации идей или одного из уровней системности профессионального мышления (классического,

неклассического и постнеклассического), или во взаимодействии нескольких уровней анализа предмета психологического исследования. Описывается оригинальная исследовательская методика. Она позволяет создавать такую ситуацию решения профессиональной задачи, находясь в которой и логически рассуждая, человек вынужден демонстрировать какое-то определенное, свойственное ему понимание стратегии собственной профессиональной деятельности. Таким образом раскрываются особенности ценностно-смысловых составляющих профессионального образа мира испытуемого. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что мышление разных психологов можно классифицировать как относящееся к классическому, неклассическому или постнеклассическому типу. Вместе с тем показано и то, что в мышлении одного исследователя возможно сосуществование разных типов рациональных рассуждений.

Целью исследования Н.А. Журавлевой было изучение психологических типов ценностных ориентаций руководителей с разными личностными характеристиками. Сначала автор выявляет семь групп ценностных ориентаций руководителей с такими личностными особенностями, которые способствуют или препятствуют эффективному осуществлению управленческой деятельности. Те из них, которые обеспечивают сочетание направленности на достижение делового успеха руководимого подразделения и на учет интересов других людей (гуманистическое отношение к людям), были

обозначены как способствующие эффективному выполнению управленческих функций. Те виды ценностной направленности, которые в большей степени связаны с достижением личного успеха и в меньшей степени включают учет интересов других людей, обозначены как препятствующие эффективности управленческой деятельности.

На основании результатов проведенного эмпирического исследования Журавлева предлагает психологическую типологию ценностных ориентаций руководителей низового и среднего звена. Первый, «социально активный» тип руководителя характеризуется ориентацией на ценности социальной активности и волевые качества: уверенность в себе, твердую волю, смелость в отстаивании взглядов, самоконтроль, ответственность, активную жизнь, непримиримость к недостаткам в себе и других. Структура ценностных ориентаций руководителей второго типа характеризуется выраженной значимостью ценностей личной жизни, ориентацией на прагматические ценности, направленностью на результат, высокими экономическими притязаниями и относительно невысокой значимостью профессиональной самореализации. Руководители третьего типа ориентированы прежде всего на профессиональную самореализацию и экономическое благополучие. Для них высокозначимы этические ценности и ценности, характеризующие социальную зрелость личности. В их ценностном сознании лидирующее положение занимают такие терминальные ценности, как здо-

ровье, работа и материальная обеспеченность, а также инструментальные ценности: честность, образованность и ответственность.

М.А. Холодная и Э.Г. Гельфман анализируют ценностные аспекты психологии интеллекта и их реализацию в образовательной практике. Авторы начинают анализ с констатации того, что постнеклассическая парадигма привела к пересмотру критериев оценки объективности научного знания: в последние годы для ученых стала очевидной необходимость участия в процессе порождения нового знания ценностно-смысловых и целевых установок познающего субъекта. В структуре научного знания, обеспечивающего формирование объективной картины мира, эксплицируется связь внутринаучных задач с ценностями и целями, имеющими социальный характер. Включение ценностных представлений и ориентаций познающего субъекта в состав объясняющих теоретических положений приводит не только к пересмотру ранее существовавших теорий, но и к выявлению новых предметных областей на новом, более глубоком уровне их понимания. К сожалению, пересмотр критериев оценки объективности научного знания пока произошел не во всех областях психологической науки. В частности, в психологии интеллекта до сих пор доминирует убеждение, что объективное изучение интеллекта предполагает полное исключение из процедур его измерения всего того, что имеет отношение к субъекту.

Авторы предлагают встраивать психологию интеллекта в постнеклассическую научную парадигму иным способом: посмотреть на интеллект не через процедуры измерения, а с точки зрения его онтологического статуса. В этом случае изменяется теоретическое представление об атрибутах, базовых качествах интеллекта, рассматриваемого через призму категории «ментальный опыт». В статье выделяется и анализируется восемь базовых качеств интеллекта: многомерность, нелинейная динамика, самоорганизация, субъектность, контекстуальность, уникальность, гетерогенность, мобильность. По мнению авторов, наличие указанных атрибутов существенно изменяет современные взгляды не только на природу интеллекта, методы психодиагностики индивидуальных интеллектуальных возможностей и условия роста интеллектуальных ресурсов личности, но и на ценностное содержание этого психологического феномена.

С.А. Богомаз проанализировал особенности ценностно-смысловой сферы и личностные черты жителей трех сибирских городов:

Новосибирска, Томска и Барнаула. Города рассматриваются в качестве моделей различных инновационных сред, способных повлиять на формирование личностной готовности к принятию нового у будущих потребителей инноваций. В психодиагностическом мониторинге участвовали более пятисот респондентов от юношеского до пожилого возраста. Жители сибирских городов не различались по пока-

зателям консерватизма, гибкости и ригидности мышления, однако характеризовались специфической структурой ценностно-смысловой сферы и набором базисных убеждений. Вместе с тем многих из них объединяло наличие ценности «быть уважаемым», которую можно рассматривать в качестве базисной. Обнаружены межгрупповые различия в степени выраженности склонности к авторитаризму, межличностного доверия и толерантности. Полученные результаты продемонстрировали, что возникающая инновационная среда может способствовать развитию ценностно-смысловой сферы и актуализации некоторых личностных черт у людей, вовлеченных в инновационные процессы.

Исследование С.А. Литвиной и О.И. Муравьевой посвящено изучению политической ментальности жителей Томска и Томской области – одного из «провинциальных» регионов, сохраняющего национальные традиции и вместе с тем являющегося одним из крупных образовательных центров Сибири. Гипотеза исследования состояла в том, что политические реалии современной России в определенной степени «наследуют» традиционные для нашей страны патерналистские установки населения по отношению к власти. Основной вопрос заключался в том, можно ли говорить о сохранении «констант» политической ментальности, в том числе традиций патернализма, в условиях глобальных изменений в стране? Для изучения установок на патернализм была использована специальная методика, а для исследования структу-

ры ценностных ориентаций личности – методика Ш. Шварца. В исследовании приняли участие почти триста человек от юношеского возраста до старости.

Полученные в результате эмпирического исследования данные позволили авторам сделать некоторые конкретные выводы. Культурный архетип патернализма транслируется в социально-политические установки и проявляется в определенных смысловых характеристиках картины мира россиян. От государства и власти граждане ожидают интереса к их жизни, понимания, заботы, участия. Системообразующими в структуре установки на патернализм как наиболее устойчивыми и выраженными оказываются темы опеки со стороны государства и мифологизация власти. Чем выраженнее у человека патерналистская установка, тем меньше потребность в самореализации, тем сильнее деформируется ценность жизни («полнота жизни», «духовность», «творчество» и т.п.) и ее осмысленность. В целом результаты исследования подтверждают высказываемое многими учеными суждение о противоречивости системы ценностей россиян. В современной российской ментальности наряду с традиционными ценностями консерватизма и коллективистической направленности сосуществуют ценности индивидуалистической направленности, служащие автономному личностному самовыражению.

Статья Г.В. Залевского посвящена психологическому исследованию фанатизма как основания деструкции системы

ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ. Аргументируя актуальность проблемы фанатизма в современном обществе, автор отмечает, что обратной стороной и неизбежным следствием развития культуры и цивилизации оказывается деструкция ценностей, подмена их псевдоценностями, деформация духовного здоровья отдельных людей и целых сообществ. При этом фанатизм выступает в качестве одного из существенных детерминирующих факторов этого нездоровья и его ярким показателем. Начав с такого введения в проблему фанатизма, автор продолжает анализировать ее в контексте психоисторических характеристик, индивидуально-личностных диспозиций и роли предрассудков и предубеждений в формировании этого социального и психологического феномена. Если в первой части статьи акцент делается на имеющихся в литературе определениях фанатизма и приводятся некоторые исторические примеры его проявления, то во второй части основное внимание уделяется психоаналитическим и другим взглядам на связь фанатизма с личностью. Третья часть статьи посвящена рассмотрению предрассудков и предубеждений, прежде всего этнических. Они становятся социально-психологическими основаниями фанатизма, очень часто проявляющегося в межэтнической нетерпимости, а нередко и терроризме. Залевский заключает анализ проблемы фанатизма указанием на ее чрезвычайную общественную значимость. Он обращает внимание читателя на то, что этот фе-

номен, как и феномен «фанатик – фанатическая личность», остаются, к сожалению, все еще психологическими загадками. Автор соглашается с мнением П. Концена о том, что ни одна человеческая страсть не приносит столько несчастья, одновременно оставаясь столь загадочной, как фанатизм.

* * *

Авторы и редакторы этого коллективного труда ясно осознают, что, несмотря на тематическое разнообразие обсуждавшихся в книге проблем, многие из них еще далеки от решения. Главная наша цель заключалась в том, чтобы привлечь внимание психологов к проблемам ценностей и ценностных ориентаций, дать представление о современном состоянии работ в данной области, ответить на некоторые вопросы и поставить новые. Надеемся, что эта цель была достигнута.

В.В. Знаков Г.В. Залевский

Ценностные основания психологической науки

А.В. Юревич

Одним из краеугольных камней научного познания принято считать его ценностную нейтральность, направленность на открытие истины, а не служение ценностям. Вместе с тем давно подмечено, что само научное познание превратилось в ценность, а «наука как система производства объективного знания возникает – при прочих необходимых для этого условиях – лишь тогда, когда она получает ценностный сертификат на свое существование» (Визгин, 1990, с. 44), т. е. формирование науки стало возможным только в условиях ценностного закрепления ее базовых установок, после того, как статус ценностей обрели научная истина и другие ориентиры научного познания (там же).

Примирение того очевидного факта, что в основе научного познания лежат определенные ценности, с тезисом о его ценностной нейтральности породило представление о служении науки только *внутринаучным* ценностям в отсутствие ее связанности ценностями вненаучными: идеологическими, этическими, политическими, а также субъективными ценностями ученого, обусловленными тем, что он принадлежит к миру людей и ничто человеческое ему не чуж-

до¹. Но и в таком смягченном виде тезис о ценностной нейтральности науки был опровергнут ее историей. В частности, «идеал чистого незаинтересованного абсолютно «объективного» познания, из которого мир человека был бы полностью исключен,— такой идеал был основательно поколеблен, чтобы не сказать более, наукой XX в. Мир человека глубоким и всесторонним образом вовлечен в сами структуры объективного знания и научно-технического преобразования действительности» (Визгин, 1990, с. 40).

Тем не менее наука породила ряд внутринаучных ценностей, призванных нейтрализовать влияние ценностей вненаучных. Эти «нейтрализующие» ценности получили воплощение в широко известных нормах научной деятельности, таких, как объективность, универсализм, организованный скептицизм, незаинтересованность и коммунизм (не в политическом смысле слова), описанных Р. Мертонем (Merton, 1973). Мертон, правда, был вынужден признать, во-первых, что реальная научная деятельность редко осуществляется в соответствии с этими нормами, во-вторых, что среди внут-

¹ Эта мысль формулируется, например, таким образом: «в известном смысле наука действительно является ценностно нейтральной: какими бы страстями и интересами ни был движим и обуреваем познающий индивид, какими бы ценностными соображениями ни руководствовался он в своих исследованиях, результаты его деятельности не должны нести на себе отпечатков его эмоций. Наука ценностно нейтральна и в другом отношении: вопросы о добре и зле, смысле жизни и назначении человека, т. е. все те вопросы, которые составляют суть и содержание ценностных аспектов человеческого бытия, в общем-то не лежат в сфере ее компетенции» (Мамчур, 1990, с. 90).

ринаучных ценностей существует немало таких, как, например, стремление к приоритету, противоречащих им (там же). А И. Митрофф и другие исследователи науки акцентировали значение ее антинорм, противоположных официальным нормам (Mitroff, 1974). Тем не менее наука всегда пыталась сформировать внутринаучные ценности, способные нейтрализовать влияние ценностей внеучных и вообще «природы человека», которая вынуждает ученого, по образному выражению Р. Бэкона, «смотреть на мир глазами, затуманенными всеми человеческими страстями».

Институционализация научной деятельности и становление *профессии* ученого породили также систему «внутри-цеховых» ценностей научного сообщества, охватывающую ценности принадлежности к этому сообществу, к определенным научным школам, институтам и ассоциациям, ценности следования профессиональным стандартам научной деятельности и др. (Джибладзе, 1990), которые органически дополнили базовые ценности научного познания.

Достижение наукой современной – постнеклассической в терминах В. С. Степина (Степин, 2000) – стадии развития сопровождалось изменением ее базовых ценностей, а также изменением отношения к ценностям вообще и к установке на ценностную центральность научного познания, в частности. В качестве одного из главных признаков постнеклассической науки В.С. Степин выделяет включение в ее этос внеучных ценностей, в отношении которых наука традицион-

но провозглашала нейтралитет (там же). В частности, в этические основания современной науки введены представление о том, что ученый не должен быть безразличен к тому, как используется произведенное им знание, а также ценностное «табуирование» ряда объектов и возможных направлений научного исследования. Д. Бек, например, настаивает на том, что возможные социальные последствия научных открытий из внешних для науки проблем превращаются в ее внутренние проблемы (Бек, 1998). Обсуждается вопрос о том, что в обиход науки следовало бы ввести нечто подобное клятве Гиппократа, основанной на принципе «не навреди»². Широко распространены и хартии научных ассоциаций, в которых внутринаучные ценности объединены с ценностями общечеловеческими.

В целом же, хотя вопрос о том, какие именно ценности, внешние по отношению к самой науке, ей следует легализовать и оформить в качестве внутринаучных императивов познавательного процесса, как правило, порождает споры и не имеет однозначного решения, тезис о ценностной

² Высказываются, впрочем, и возражения. Например, такое: «Раздающийся в последнее время среди экологов и гуманистов призыв ввести «клятву ученого», аналогичную клятве Гиппократа в медицине, которая обязывала бы ученого отдавать свой талант и силы решению только полезных для человечества проблем, максимально оберегая людей от вредных последствий науки, по отношению к фундаментальным исследованиям звучит наивно. К тому же и сами понятия пользы и блага не являются вневременными и абсолютными: то, что сегодня представляется благом, впоследствии может выявить свои отрицательные стороны» (Мамчур, 1990, с. 85).

нейтральности науки сильно размыт и поколеблен. Наука, несмотря на традиционно декларировавшуюся ею ценностную нейтральность, характеризуется ее исследователями как пронизанная различными видами ценностей и опирающаяся на них.

Это справедливо в отношении любой научной дисциплины, в том числе и психологии, в основаниях которой можно различить несколько уровней ценностей.

Их первый – базальный – уровень образован универсальными ценностями научного познания, что достаточно тривиально: будучи научной дисциплиной, психология разделяет общие ценности науки. К этому уровню относятся вышеупомянутая ценность научной истины и ее объективного постижения, а также такие ценности, как объяснение мира, обретение возможностей его предсказания и контроля над ним (основные функции науки), производство нового знания, построение его системы, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.). Поскольку данная система ценностей является общей для всех научных дисциплин, она принимается любой из них в качестве само собой разумеющейся, редко эксплицируется и привлекает внимание лишь тогда, когда в той или иной науке проявляются отклонения от ее базовых принципов. Эта система охватывает своего рода ценностные «архетипы» науки, которые функционируют как «архетипы коллективного

бессознательного ученых»³, оставаясь за кадром, но придавая научной деятельности определенную направленность.

В принципе и на базальном уровне ценностных оснований научной деятельности периодически наблюдаются «возмущения». Например, в психологической науке регулярно возникают сомнения в статусе «объективной» истины, вопросы о том, какую именно истину считать объективной, можно ли ее познать субъективными средствами и т.п. Подобные «возмущения» время от времени возникают и в естественных науках. Но в целом, хотя базальный уровень ценностных оснований научного познания и не выглядит абсолютно незыблемым, он все же достаточно инвариантен для всех научных дисциплин и в процессе развития науки претерпевает лишь минимальные изменения.

К базальному уровню ценностных оснований психологической науки можно отнести и *базовые ценности научного сообщества*: принадлежать к этому сообществу (быть ученым), членство в различных профессиональных ассоциациях и т. д.⁴ При этом в современном мире неожиданно воз-

³ Или их «надсознательного» в терминах М.Г. Ярошевского (Ярошевский, 1978).

⁴ Следует отметить, что «вес» ученого в научном сообществе во многом определяется тем, членом каких профессиональных организаций, редколлегий каких журналов и т. д. он является. В современном российском обществе соответствующие статусные позиции в значительной мере обесценены не только общим снижением статуса науки, а, значит, и научных организаций, но и появлением большого количества «доморощенных» организаций, например, около 200 новых академий, нередко создаваемых людьми, весьма далекими от науки. Но это

ника и новая проблема: что значит «быть ученым» в условиях ренессанса паранауки, размывания границ между наукой и паранаукой, распространения самых разношерстных организаций, мимикрирующих под научные, например, академий оккультных наук, обилия патологически активных личностей, позиционирующих себя от имени науки, но к ней не принадлежащих, и т.п. явлений. По всей видимости, критерий может быть только один – принадлежность именно к *научному* сообществу, а не к его суррогатам, проявляющаяся в наличии ученых степеней, публикаций в научных журналах, трудовых книжек, находящихся в НИИ и вузах, хотя в нынешней России, где широко распространена, скажем, практика проплаченных защит «под ключ», все это тоже может быть сфальсифицировано. Тем не менее даже в подобных условиях базовые ценности научного сообщества сохраняют свою значимость, что парадоксальным образом подтверждается от обратного – фальсификацией соответствующих атрибутов статуса ученого.

Сохраняют свою актуальность в качестве ценностных регулятивов научной деятельности и ее нормы, систематизированные Р. Мертоном, а также описанные им же контрнормативы этой деятельности, такие, как «Публикуйся или гибни» (Merton, 1973). При этом научное сообщество выраба-

исключение из мировой практики только подчеркивает правило: подобные академии, по общепринятому выражению, «плодятся как грибы после хорошего дождя» именно потому, что принадлежность к научным организациям представляет собой *ценность*.

тывает и ряд нетрадиционных ценностей, таких, как внедрение сделанных открытий и изобретений в практику, их коммерциализация, промышленное использование, в то время как ценность «чистого» знания, знания ради знания, постепенно девальвируется.

Следует отметить и изменение соотношения двух типов ценностных ориентаций научного сообщества – формальных, таких, как ориентация на объективный и незаинтересованный поиск истины, и неформальных, например, стремления к приоритету. Прежде неформальные ценности науки вели в ней теневое, «полуподпольное» существование, а их экспликация в книгах с такими выразительными названиями, как «Открывая ящик Пандоры» (Гилбер, Малкей, 1987), выглядела сенсационно. В последние десятилетия эти ценности были практически легализованы, а, например, необходимость закрепления своего приоритета путем лицензирования сделанных открытий и изобретений стало рассматриваться как вполне официальный норматив научной деятельности, равноправный с такими нормативами, как объективность и незаинтересованность (несмотря на то, что стремление к приоритету в значительной мере противоречит незаинтересованности).

Второй уровень ценностных оснований психологии не является общим для всей науки, а объединяет психологию лишь с наиболее близкими ей – социогуманитарными – дисциплинами. Последние, естественно, не представляют собой

область научного познания, вырабатывающую систему ценностей, автономную от всей прочей науки. Ее базовые ценности, такие, как нацеленность на открытие объективной истины, универсальны для всех научных дисциплин. Вместе с тем социогуманитарная наука обладает и определенной спецификой, проявляющейся не только в ее особой методологии, но и в системе ее базовых *ценностей*. Одна из таких специфических ценностей социогуманитарной науки состоит в стремлении не просто познать человека и общества, но и сделать их *лучше*, усовершенствовать общество и человеческую природу. Эта ценность в виду ее слишком очевидного характера тоже редко эксплицируется рефлексией науки, в данном случае социогуманитарной. Но она имплицитно заложена в ценностных основаниях социогуманитарных дисциплин, придает им особый социальный статус и достаточно отчетливо выражена в направленности научных исследований. В частности, лейтмотивом большинства психологических исследований служит явная или имплицитная *практическая* направленность – на то, чтобы помочь личности (в преодолении комплексов или жизненных кризисов), оптимизировать организацию внутригрупповых процессов и др.

Социогуманитарное научное сообщество, разделяя базовые ценности, характерные для научного сообщества в целом, тоже дополняет их рядом специфических ценностей, в основном связанных с особым местом социогуманитарной науки в современном мире. Так, если в условиях рыночной

экономики одной из ценностей для представителей естественной и технической науки является воплощение научного знания в технологии и промышленные изделия, то для представителей социогуманитарной науки – *социальная релевантность* производимого ими знания, а также того знания, которым они обладают, не сами его производя, и умение его преподносить. Превращается в ценность харизматичность и «заметность» самих социогуманитариев. Наиболее престижной стратой современного социогуманитарного сообщества являются «видимые ученые» (Филатов, 1993), состоящие в постоянных контактах со СМИ, их посредством внедряющие в массовое сознание различные идеологемы, оказывающие влияние на власть и на общественное мнение. Очень престижной является и роль социального *эксперта*, регулярно высказывающего (как правило, через те же СМИ) свое мнение по различным социально значимым вопросам.

Важным, проявляющимся в этой связи качеством социогуманитариев, отличающим их от представителей наук естественных и технических, является близость к политике и всему, что с нею связано, что приобретает особое значение в современном российском, предельно политизированном обществе. Наше социогуманитарное научное сообщество попадает в большую зависимость от тех политических ценностей, которые характерны для нашего общества в целом, и от соответствующих политических конфронтаций. В частности, как отмечает Е. Б. Шестопал, в этом сообществе отчетли-

во прослеживается противостояние «западников» и «почвенников», которые разделяют полярно противоположные политические ценности, получающие отображение и в научных установках (Шестопал, 1999). Если добавить, что до сих пор не склонили своей гордой головы и марксисты, что идеологические традиции советской науки не изжиты и современной российской наукой, а также то, что политизированность всегда была характерна для отечественных ученых⁵, то нетрудно оценить, какое влияние политические ценности оказывают на наших социогуманитариев. Политизированность приобретает особую актуальность в условиях их нацеленности на выработку «национальной идеи» и более частных идеологем, что подчас рассматривается властью как одна из главных задач социогуманитарной науки. При этом и события самой российской науки, например, пути ее реформирования, нередко становятся предметом острых политических споров и противостояния различных группировок.

Конечно, можно сказать, что психология – наука менее политизированная, чем, скажем, политология, экономика, философия или социология, в ней труднее разглядеть признаки «западничества» или «почвенничества», да и от решения ключевых политических проблем нашего общества она далека. Однако ее отдаленность от них весьма относитель-

⁵ Как писал Н. А. Бердяев, «ученые никогда не пользовались у нас особенным уважением и популярностью, и если они были политическими индифференталистами, то сама наука их считалась не настоящей». Он назвал эту нашу традицию «славянской крайностью» (Бердяев, 1991, с. 33).

на. Достаточно вспомнить, как Московская Контрольная Комиссия Рабоче-крестьянской инспекции объявила исследования А.Р. Лурии и Л. С. Выготского в Средней Азии «колонизаторскими, показывающими неполноценность окраинных народов и политически вредными» (Лурия, 1994, с. 67). К тому же существуют разделы психологической науки, например, политическая психология, которые неизбежно воспроизводят ряд политических ценностей, да и высокая социальная релевантность психологической науки в целом делает ее в значительной мере зависимой от политики.

При этом психология, как и любая научная дисциплина, вырабатывает и собственную *внутридисциплинарную систему ценностей, образующую следующий – третий – уровень ее ценностных оснований*. Данный уровень, как и любой другой, включает большое количество ценностей, образующих сложное переплетение. Так, одна из главных внутридисциплинарных ценностей психологии на всем протяжении ее развития состояла в стремлении быть похожей на точные науки, отчетливо проявившемся еще во времена создания первых психологических лабораторий. Эти науки всегда служили главным ориентиром ее развития, она традиционно воспринимала непохожесть на них, про являвшуюся в обилии «несоизмеримых» (в терминах Т. Куна) школ и концепций, в дефиците «твердого» знания, не зависимо-го от методологических оснований его производства, и т. п. как один из своих ключевых методологических недостатков,

порождавший у нее «комплекс непохожести на точные науки» (Юревич, 2000). Недостижимость ориентиров, задаваемых некоторой ценностью, часто в силу известной психологической закономерности порождает ценности, противоположные ей. В результате в психологии сформировалась и контрценность – быть *непохожей* на точные науки, отчетливо акцентированная гуманистической психологией и нашедшая выражение в представлении о том, что психология – «особая» наука и ей следует развиваться своим собственным путем. Соответственно и ценность самобытности, уникальности психологической науки можно отнести к числу ее специфических внутридисциплинарных ценностей. Таким образом, проблема соотношения психологии с точными науками, относящаяся к числу ее «вечных» и наиболее болезненных проблем, породила сложный узел взаимно противоречивых ценностных ориентаций, стремление распутать который само по себе превратилось для психологии в одну из ее главных внутридисциплинарных ценностей. Результирующей для ценностей, сплетенных в этот узел, стала такая ценность, как обретение психологической наукой своей *идентичности* как одной из естественных наук, не достигшей пока парадигмальной стадии развития, или как уникальной науки, развивающейся своим собственным путем, равнозначное ее ключевому методологическому выбору.

Вообще специфика внутридисциплинарных ценностей любой науки во многом выражает специфику ее объекта,

вследствие которой она отличается от любой другой научной дисциплины не только в когнитивном, но и в ценностном отношении. Специфика объекта психологической науки – психика человека – не могла не наложить отпечаток на ее внутридисциплинарные ценности, некоторые из которых носят ярко выраженный запретительный характер. В частности, психология разделяет табу на эксперименты на людях в их наиболее жестком варианте, сопоставимом с типовым сценарием экспериментов в естественных науках. Да и более «мягкие» варианты психологических экспериментов, такие, как эксперимент С. Милгрэма, порождают серьезные этические проблемы. В американском психологическом сообществе в свое время большой резонанс вызвал эксперимент, в процессе которого испытуемым предлагалось ограбить банк (естественно, не всерьез), что вызвало бурные споры об этической приемлемости подобных предложений. А у Дж. Уотсона и Р. Рейнера возникли этические проблемы из-за известного эксперимента с 11-летним мальчиком – «маленьким Альбертом», у которого бихевиористские методы формирования страхов вызвали стойкое болезненное последствие (Хьелл, Зиглер, 1997).

В общем специфика объекта психологической науки накладывает весьма существенные ценностные ограничения на психологические исследования, которые, как и базовые ценности науки, тоже редко отрефлексированы в сознании психологов, поскольку воспринимаются ими как сами собой ра-

зумеющиеся. Тем не менее эти ценности оказывают большое влияние на развитие психологической науки. В частности, можно предположить, что, если бы психолог был так же свободен в обращении с объектом своих исследований, как, скажем, физик или химик – с объектом своих, то психологическая наука уже достигла бы такого же уровня развития, как и эти дисциплины. А традиция проводить значительную часть психологических экспериментов не на людях, а на крысах или лягушках – неизбежная дань подобным ограничениям, выражающим определенные ценности.

Специфические внутридисциплинарные ценности психологии, связанные со спецификой ее объекта, естественно, не носят только запретительного характера. Среди них существует и немало таких, которые не ограничивают возможности психологического исследования, а, напротив, расширяют их. Например, одна из внутридисциплинарных ценностей психологии состоит в *социальной релевантности* психологического знания, проявляющейся в стремлении связать его с потребностями общества, использовать на практике и т.п. Разумеется, в социальной релевантности нельзя отказать и другим наукам, но в психологии, в силу специфики ее объекта, она приобретает особый характер, а в общем-то характерная для фундаментальной науки установка «Познание ради познания» в психологическом сообществе встречается очень редко.

Это сообщество вырабатывает и ряд специфических цен-

ностей, которые связаны не столько со спецификой объекта психологической науки, сколько с социальными условиями, в которых она развивается. К их числу следует в первую очередь отнести ценность психологической практики и вообще психологическую практику как ценность⁶, во многом ответственную за то, что две области психологии – исследовательская и практическая – имеют две существенно различные системы ценностей. Если сообщество психологов-исследователей ориентировано на ценности, характерные для фундаментальной и академической науки, где главной ценностью является производство научного знания, то сообщество практических психологов – на такие рыночные ценности, как возможность его продать (и желательно подороже), широта клиентуры, ее удовлетворенность и др. Подобное расхождение ценностных ориентаций не только углубляет «схизис» (Василюк, 1996) между исследовательской и практической психологией и расслоение соответствующих страт психологического сообщества, но и подчас порождает конфликтные отношения между ними. Так, психологи-исследователи нередко воспринимают психологов-практиков как безответственных людей, которые продают своим клиентам не устоявшееся, не надежное и вообще сомнительное знание, а те, в свою очередь, воспринимают психологов-ис-

⁶ То, что, по словам Г. Башляра, психология из «науки светских салонов превратилась в массовую социальную практику» (Цит. по: Визгин, 1990, с. 42), тоже стало следствием ее новых ценностных ориентаций.

следователей как сугубо кабинетных ученых, которые строят бесполезные абстракции вместо того, чтобы «заниматься делом». В результате отчетливо выражены не только «схизис» между двумя стратами психологического сообщества, но и довольно напряженные отношения между ними.

Деятельность психологов-практиков обладает и особой «ценностной нагруженностью», которая порождает специфические для данной страты психологического сообщества этические проблемы, способные перерасти в этические проблемы для всей психологии. В частности, принято считать, что, если психолог обслуживает клиента, то он несет профессиональную ответственность только за его добросовестное обслуживание вне зависимости от того, что представляет собой этот клиент и каковы его цели. Подчас психологи с помощью различных предвыборных технологий приводят к власти весьма одиозных политиков, в том числе и имеющих криминальное прошлое (а иногда и настоящее), организуют рекламу товаров, которые этого не заслуживают, и т. п. Во всех подобных случаях вопрос о моральной ответственности психологов вроде бы не встает. Вместе с тем этот вопрос сродни вопросу о моральной ответственности ученых и инженеров за то, как именно используется производимое ими знание, который в современном обществе решается неоднозначно (он, в частности, порождает и вопрос о том, должны ли ученые приносить клятву, аналогичную клятве Гиппократу). Более того, если применительно к ученым вооб-

ще речь, как правило, идет о знании, которое лишь *может* быть использовано во вред человечеству (однако когда ученый производит заведомо вредное знание, например, разрабатывает ядерное оружие для некоего реакционного режима, его вина очевидна), то психологи, обслуживающие одиозных клиентов и сомнительные виды социальной практики, осознанно и намеренно содействуют достижению целей, противоречащих общепринятым нравственным нормам, и тезис о ценностной нейтральности науки здесь не применим. Трудно выработать какую-либо однозначную позицию в отношении подобных психологов, а тем более ожидать, что, даже если такая позиция будет выработана, психологическое общество сможет применять к ним какие-либо санкции. Но трудно и не заметить, что определенная часть практикующих психологов генерирует ценности, существенно расходящиеся с базовыми ценностями научного сообщества: «Клиент всегда прав», главное, чтобы он платил, а то, какие именно цели он достигает с помощью психолога, не имеет значения.

В принципе в рамках данного уровня ценностей можно выделить и еще один подуровень (можно его выделить и в качестве отдельного уровня) – специфические ценности *отечественной* психологии. То, что наука интернациональна и в *норме* не признает государственных границ (в патологии признает, например, в виде «железных занавесов»), не исключает существования у нее национальных особенностей,

которые можно проследить на различных уровнях научного познания (См.: Юревич, 1999). Эти особенности в большей степени проявляются в *социальной* организации научной деятельности⁷, нежели в ее когнитивном контексте, хотя и в нем – в той системе знания, которую строят ученые – национальные особенности науки тоже дают о себе знать. При этом в социогуманитарных дисциплинах подобные особенности проявляются рельефнее, чем в естественных и технических. Ярким примером может служить российская философия, которая, в отличие от философии западной, была ориентирована не на решение прагматические вопросы, а преимущественно на обсуждение этических и смысложизненных проблем. Как отмечают американские исследователи У. Гэвин и Т. Блэкли, ее главной проблемой стала “проблема человека, его судьбы и карьеры, смысла и цели истории”, (Gavin, Blakeley, 1976, p. 16), а не практические проблемы, традиционно находившиеся в центре внимания западной науки⁸. По общему признанию, философские системы И.А. Ильина, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и других выдающихся отечественных философов носят ярко выражен

⁷ Например, специфическая социальная организация советской науки, выражавшаяся в широкой распространенности НИИ-гигантов, насчитывавших по несколько сотен сотрудников, в особом статусе Академии наук и др.

⁸ Они подчеркивают, что для российской интеллектуальной традиции рационализм западной науки “был ассоциирован с эгоизмом, с безразличием к общественной жизни и невключенностью в нее” (Gavin, Blakeley, 1976, p. 12), и поэтому “бунт против картезианства” (Ibid., p. 101) состоялся именно в России.

ный отпечаток российского менталитета и могли быть созданы только в России, причем в этих системах отчетливо запечатлены и специфические *ценности*, характерные для российской культуры.

На первый взгляд, психологическая наука в данном плане мало похожа на философию, а выявляемые ею закономерности человеческой психологии, как и законы физики, действуют во всех странах вне зависимости от их географических, социокультурных и прочих особенностей. Однако специфика концепций отечественной психологии, разработанных Л.С. Выготским, Л.С. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым и другими ее крупнейшими представителями, общепризнанна и именно она служит одной из главных причин большого интереса западных психологов, например, к теории Л.С. Выготского. Специфические особенности отечественных психологических концепций, отличающие их от западных теорий, – явный примат социума над индивидом, соответствующая траектория формирования личности, выраженная идеей интериоризации, и ряд других – обнаруживают достаточно очевидную связь с базовыми ценностями советского общества. Еще более очевидна связь с ними таких советских психологических концепций, как теория коллектива, да и сама идея о том, что коллективы возможны лишь в социалистическом обществе, несет очевидную ценностную нагрузку. В других концепциях, разработанных в советской психологии, тоже воплощены соответствующие

ценности. При этом для отечественной психологии того времени были характерны и такие ценности, как стремление к самобытности, к противостоянию западной психологии. Конечно, подобные особенности советской психологической науки можно списать на ее идеологизированность, но такое представление было бы сильным огрублением ее куда более сложной социокультурной детерминации.

Современная российская психология развивается в условиях отсутствия «железных занавесов»⁹ и вместе со всей мировой наукой переживает процесс глобализации (Юревич, Цапенко, 2005), помимо всего прочего, означающей частичное стирание ее национальных особенностей. Бóльшая часть отечественных психологических исследований строится по западным образцам (в основном в рамках позитивистской парадигмы), представители новой генерации отечественных психологов подчас лучше знают западные психологические концепции, чем теории Выготского, Леонтьева и Рубинштейна¹⁰. Но и в этих условиях отечественная пси-

⁹ Этот тезис, как минимум, очень спорен. В частности, в условиях недостатка средств в современной отечественной науке наши ученые имеют сильно ограниченные возможности ездить за рубеж, публиковаться в международных журналах (действует и языковой фактор) и интегрироваться в мировую науку, что дает основания говорить о новом виде «занавеса» – теперь не идеологического, а экономического.

¹⁰ В данном контексте уместно сформулировать тезис о том, что вообще современная отечественная социогуманитарная наука превращается в посреднический механизм внедрения знания, произведенного западной наукой, в нашу социальную практику (Юревич, 2004).

хология сохраняет ряд специфических особенностей и приобретает ряд новых. Например, «схизис» между исследовательской и практической психологией, хотя и имеет ряд интернациональных черт, с особой остротой проявляется именно в отечественной психологии. Одна из причин состоит в том, что если наиболее влиятельные теории западной психологии – теории З. Фрейда, Э. Фромма, К. Хорни, Э. Эрикссона и др. – разрабатывались в контексте терапевтической практики, то отечественные психологические теории в основном носят академический характер. Сохранение влиятельности этих теорий, а также преданность наших академических психологов соответствующим традициям закрепляют специфику отечественной психологии. Да и вообще отечественной академической психологии свойственна характерная для нашей государственной науки ценностная ориентация на служение обществу в целом, а не на выполнение заказов коммерческих структур или обслуживание индивидуальных клиентов, которая содействует сохранению ее специфики.

Четвертый уровень ценностных оснований психологической науки конституируется внутренними ценностями существующих в ней научных школ и направлений. Каждое из них – бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, теория деятельности и др. – формирует не только свой образ психической реальности и специфические принципы его изучения (Юревич, 2000), но и соответствующую систему ценностей.

Так, в основе любой глобальной психологической теории лежит определенное представление о природе человека, имеющее ярко выраженную ценностную окраску. В частности, как пишут Л. Хьелл и Д. Зиглер, «все теории личности имеют в своей основе определенные философские положения о природе человека» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 434). Для психоанализа, например, характерна «мрачная концепция человеческой природы» (там же, с. 479), которая «вытекает из изучения Фрейдом людей, имеющих психические расстройства» (там же, с. 479), а для гуманистической психологии – представление о том, что «человек от природы хорош и способен к самосовершенствованию» (там же, с. 479)¹¹, т. е. общие представления о природе человека, лежащие в основе психологических теорий, предполагают *оценку* этой природы, в результате чего строятся на определенных ценностных основаниях. А каждому из исследовательских направлений, возникших на основе подобных теорий, свойственна определенная прагматическая установка («Что делать» с человеком), тоже имеющая ценностную составляющую:

в случае бихевиоризма – сделать поведение человека контролируемым, в случае гуманистической психологии – по-

¹¹ Одна из главных причин популярности психологических теорий состоит в том, что их сторонники разделяют соответствующие взгляды на природу человека. В частности, «теория Маслоу, подчеркивающая уникальность человека и наличие потенциала саморегулируемого и эффективного функционирования, обладает огромной притягательной силой для тех, кто разделяет его оптимистическую точку зрения на человечество» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 480).

мочь личности раскрепостить ее творческий потенциал, в случае теории деятельности – сделать человека более полезным для общества и т. д. И вполне закономерно, что соответствующие цели регулярно формулировались в работах основоположников этих направлений. Кроме того, общие методологические принципы, характерные для любого из них, как правило, не существуют в виде чисто когнитивных регуляторов исследовательской практики, а имеют ценностную составляющую и получают ценностное закрепление. При этом в любой методологической установке, как и в социальной установке вообще, можно выделить три взаимодополняющих аспекта: когнитивный (выражающий определенные представления об изучаемой реальности), поведенческий (предписывающий определенные образцы ее изучения) и аффективный (эмоционально закрепляющий эти образцы). Существование последнего объясняет и такие явления, как «методологические эмоции» (Юревич, 2000), которые испытывает каждый исследователь, и весьма эмоциональный характер взаимоотношений между представителями различных психологических школ и направлений.

Эти школы и направления порождают не только предметные ценности, проявляющиеся в отношении изучаемых объектов, но и социальные, находящие проявление применительно к психологическому сообществу и его конкретным представителям. В частности, сама по себе принадлежность к определенной психологической школе является ценностью

для ее адептов, а отлучение от школы (что было сделано, например, в отношении К. Хорни за ревизию принципов ортодоксального психоанализа) служит строгой моральной санкцией. При этом отношение к другим, особенно оппонентным школам и их конкретным представителям тоже не выглядит ценностно нейтральным¹².

В современной науке вообще и в психологии в частности можно различить и еще одну ценность этого уровня – не принадлежать ни к одной научной школе, что, по мнению ученых, подчеркивающих свой «школьный нейтралитет», означает истинную объективность, отсутствие ангажированности какими-либо внутришкольными взглядами и позициями.

Пятый уровень ценностных оснований психологической науки образуют ценности, воплощенные в изучении конкретных психологических проблем. Изучение таких проблем, как терроризм или агрессивное поведение, предполагает определенное ценностное отношение к ним (терроризм – это зло, агрессивное поведение надо блокировать), которое придает психологическим исследованиям опреде-

¹² В данном контексте уместно напомнить, что Т. Кун называл научные школы “боевыми единицами допарадигмальной науки”, имея в виду, что, во-первых, они выполняют в ней не столько собственно научные, сколько политические функции, во-вторых, что в “нормальной” – парадигмальной – науке они утрачивают свою роль. Высказываются и мнения о том, что отечественные научные школы во многом были феноменом советской тоталитарной науки, а в современной, глобализированной, науке научные школы вытесняются “незримыми колледжами”.

ленную направленность – соответственно на изыскание способов борьбы с терроризмом или редуцирование агрессии. Но и в психологическом изучении более нейтральных проблем, как правило, имплицитно заложен определенный ценностный подход. Например, исследования интеллекта строятся на презумпциях о том, что иметь низкий интеллект плохо, а высокий – хорошо, и соответственно основная часть исследований интеллекта имеет в качестве явной или имплицитной цели выявление ресурсов его повышения. То же самое можно сказать об исследованиях способностей, мотивации, девиантного поведения и вообще об основной части психологических исследований. В этом состоит одно из очевидных отличий психологии от естественных наук, представители которых, например, физики не подходят к изучению атомов с позиций определенного ценностного представления о них.

Ценностная составляющая отчетливо выражена и в психологических теориях, которые часто содержат либо явную, либо имплицитную ценностную интерпретацию объясняемого объекта. Например, Оно, Я и Сверх-Я в концепции З. Фрейда несут различную ценностную нагрузку, да и такие теории, как теория справедливости, воплощают не только общие представления о том, что «хорошо» (в данном случае – справедливость) и что «плохо» (несправедливость), но и базовую систему ценностей современного западного общества.

Как ни парадоксально, «ценностная нагруженность» теорий, которые принято считать наиболее абстрактными системами научного знания, «очищенными» от всего личного и эмоционального, наиболее отчетливо проявляется на следующем, *шестом, уровне ценностных оснований психологии – уровне личных ценностей исследователей*. Дж. Ричардс подчеркивал, что в теориях, разрабатываемых в любой науке, можно проследить проявление личностных особенностей их создателей, но нет ни одной научной дисциплины, в которой это проявлялось бы с такой отчетливостью, как в психологии (Richards, 1987). Б. Эйдюсон пишет: «Теории о природе человека являются интеллектуальными средствами выражения объективной реальности в меньшей степени, чем психологических особенностей их авторов» (Eiduson, 1962, р. 197). А Л. Хьелл и Д. Зиглер возвели соответствующую установку в ранг одного из главных методологических принципов реализованного ими подхода к анализу психологических теорий. В своей книге «Теории личности» они утверждают: «Чтобы понять положения, которых придерживался тот или иной персонолог (выяснить “откуда они взялись”), необходимо в какой-то степени понять его религиозный и социоэкономический статус, число членов семьи и последовательность рождения, отношения с родителями, образование и профессиональный опыт. Мы уверены, что биографические очерки (приведенные в книге Хьелла и Зиглера – А. Ю.) помогли читателю разобраться, как обстоятельства лич-

ной жизни теоретика влияли на его исходные положения и теорию личности» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 575). Как ни относиться к подобным подходам, которые по аналогии с социологическими программами изучения социальной обусловленности научного познания (см.: Современная Западная социология науки, 1988) могут быть названы “жесткой” программой, трудно не признать, что та «объективная» реальность, которую психологи отражают в своих теориях, во многом преломлена их субъективной реальностью, помимо всего прочего воплощающей и их личные ценности. В частности, в психоаналитических теориях достаточно отчетливо отражены личные психологические проблемы их авторов, а также ключевые ценности культуры, в которой они сформировались¹³. В результате *ценностная составляющая* психологических теорий, служащая одним из их главных отличий от теорий в естественных науках, в основном представлена личными ценностями их авторов, выражающими их общий психологический склад, жизненный путь, особенности их культуры, и другие подобные факторы.

К данному уровню ценностей можно отнести и те личные ценности психологов, которые проявляются в исследовательской практике, например, при интерпретации результатов эмпирических исследований. Один из наиболее авто-

¹³ Те же Л. Хьелл и Д. Зиглер регулярно отмечают, что ни сами ключевые положения этих теорий, ни тем более их общезначимость не получили какого-либо эмпирического подтверждения, а, например, вопрос о том, все ли люди испытывают эдипов комплекс, их адептами даже не ставился (Хьелл, Зиглер, 1997).

ритетных специалистов в области методологии социогуманитарной науки Д. Кемпбелл подчеркивает, что получаемые ею данные «генерируются людьми, имеющими сильную заинтересованность в определенном результате; они работают в областях, где заинтересованность в определенном результате настолько сильна, что объективное описание фактов становится мало существенным мотивом» (Campbell, 1988, р. 326–327). Возможно, последняя часть этого утверждения – преувеличение, против которого в другом фрагменте своей книги возражает и сам Кемпбелл. Но трудно возразить против того, что интерпретация результатов психологических исследований испытывает большую зависимость как от когнитивных установок, так и от ценностных ориентаций исследователя. Разумеется, подобная зависимость существует в любой науке, в том числе и в естественной, что достаточно убедительно продемонстрировано целой плеядой ее исследователей (см.: Юревич, 2001; и др.) Но в психологической науке зависимость интерпретации результатов исследований, а также их организации и методологии от личных ценностей исследователя выражена куда более отчетливо, что бессмысленно отрицать и невозможно элиминировать. Но в данном плане психология мало отличается от других социогуманитарных наук, например, от политологии, экономики, социологии, где влияние личных ценностей исследователей на проводимые ими исследования более чем

очевидна¹⁴.

Таким образом, в основе любой системы научного познания лежит многоуровневая система ценностей, которая присутствует и в психологии, насчитывая как минимум шесть основных уровней (таблица 1). Иногда эти ценности, как, например, нормы научного исследования, вычлененные Р. Мертоном, эксплицированы и отрефлексированы, иногда – значительно чаще – они, подобно неявному знанию, описанному М. Полани (Полани, 1985), носят имплицитный, или, в терминах М. Г. Ярошевского, «надсознательный» характер (Ярошевский, 1978). Но они играют основополагающую роль в любой системе научного познания, а профессиональной деятельности, в том числе и научная, не цементированная соответствующими ценностями, возможна лишь в абстракции, подобной абстракции ценностно-нейтральной науки.

Таблица 1

Уровни ценностей психологической науки

¹⁴ Ярким примером может служить советский марксизм, возведший принцип партийности науки, т.е. ее ценностной ангажированности, в ранг одного из основных принципов научного исследования.

Уровень	Категории ценностей	Конкретные ценности
1-й	Универсальные ценности познания и базовые ценности научного сообщества	Объективная истина; объяснение, предсказание и контроль; принадлежность к научному сообществу и др.
2-й	Ценностные основания социогуманитарных дисциплин	«Улучшение» общества и человека; социальная релевантность научного знания; политические ценности и т. д.
3-й	Специфические ценности психологии	Ориентация на точные науки или самобытность; специфические ценности отечественной психологической науки, исследовательской и практической психологии
4-й	Внутренние ценности различных школ и направлений	Принадлежность к определенным школам, их специфические социальные и когнитивные установки
5-й	Ценности, воплощенные в изучении конкретных психологических проблем	Повышение интеллекта, развитие способностей, редукция агрессивности и др.
6-й	Личные ценности психологов	Преодоление личных комплексов; определенная интерпретация результатов исследований и т. д.

Литература

Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 24–42.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.